

Имя человека в зеркале метаязыковой рефлексии диалектоносителей

В докладе рассматриваются особенности восприятия различных именовании человека (личных имен, прозвищ) в русском народном языковом сознании, которые отражены в диалектной и общенародной метаязыковой терминологии, а также в метаязыковых высказываниях диалектоносителей.

«Законным» именем считалось то, которое дано при крещении: *крестное имя, истовое имя, по угоднику, по-крещеному, ангельское*. Ему противопоставлялось имя, полученное вне обряда крещения: *имя, наимя, прозвание, не по-крещеному*. Ср. в словаре Даля: «Рекло давалось по святым, а имя по обычаю, нередко языческое». Для диалектоносителей эта оппозиция смыкается с оппозицией официального – неофициального имени: свердл. «У меня два званья – по-крещеному и так, хто как называт», костр. «Если мать назначит како имя ребенку, так и называт. Бывало, крестуются, а она все по-старому и называт». В современной традиции официальность имени связывается с закрепленностью его в документах (паспорте): *имя по начпорту, договор* ‘имя, отчество, фамилия’.

Полное имя противопоставлено бытующим в речевой практике неполным именам, ср. перм. «*Коренно-то* имя Александра, а зовут её Шура»; арх. «Канкой звали, *детскими* именами. Два Сашки были, обоих Канками звали. Использование неполного имени может быть обусловлено традицией (ср. кубан. *полуимя* ‘неполное, уменьшительное имя’, арх. *цело имя* ‘основное имя’: «У нас в деревне не на цело имя, а на полуимя зовут»), необходимостью различения тезок (арх. «В одной деревне 3 Федора было, надо ведь их различать. Одного звали Фёдор, другого Федюня, третьего Феденька), а также трудностями в произношении имени (влг. «“Серёга” трудно ему было говорить, вот и звал Серёгу “Рога”»).

Особо отмечены в языковом сознании диалектоносителей прозвища. Ср. также набор обозначений прозвищ в русском жаргоне, широта которого обусловлена экспрессивностью этого разряда имен собственных: жарг. *кликуха, кличуха, системное имя, шем, погоняло, погремуха, псевдо, рота* и др.

Прозвище противопоставлено основному именованию человека по своему происхождению и условиям употребления: если имя дается в семье (и там же преимущественно используется, то прозвище дается и употребляется извне, на «улице» (пск. *улична кличка*), и может перерасти в *уличную фамилию*.

Диалектоносители разграничивают прозвища по их функциям, выделяя именовании *по старейшему* и *курьезные*: свердл. «Были прозвища и не по старейшему, а просто где-то кем-то данные. Курьезные, что ли, нехорошие в какой-то степени. От дразнил и оставалось прозвище-то». Таким образом, разводятся прозвища, идентифицирующие человека, вводящие его в род, семью, и прозвища – закрепившиеся *дразнилы*, дающие характеристику своему носителю (как правило, экспрессивную).

Диалектоносители разграничивают прозвища с точки зрения о б ъ е к т а н о м и н а ц и и (коллектива носителей). Выделяются прозвища (*обзвывы, назвица, назывы*), дающиеся жителям соседних деревень (ср. перм. «Тут у нас всяки *назвица*: шалапужата (это из Кузьвы), резгунята, воронята, – кого только как не зовут», перм. «У Пальнинских *называ* – горожана де»), представителям определенной семьи (перм. «У нас прапрадед еще был Тихон Тихонович, вот нас и называют “Тихоновские”»), арх. «*Фамилия* Петрушины, а *дом* Вдовкинцами назовут, так уж дома по деревне назывканы»), иной по статусу социальной группы (забайк. *приветное (привадное) имя* ‘прозвище’: «Крестьяне за что-то не любили казаков, дав им привадное имя – гураны»). Внутренняя форма термина *приветное имя* указывает на особенности функционирования таких прозвищ: их использовали при приветствии.

Таким образом, система именованй лиц, выделяемая диалектоносителями, оказывается достаточно разветвленной. Но ее основным функциональным элементом является личное имя. Выбор имени активно оценивается и осмысливается диалектоносителями.

Имя может оцениваться с позиции старое – новое (арх. «Внук у меня Данил, *прежнё* оно тоже имя, раньше Данько звали»), русское – нерусское (арх. «Да у тебя имя-то како-то *нерусское, неистовое* <не соответствующее нормам>»), влг. «Раньше у нас здесь жили *поляки, паны-то*. От их фамилии остались: *Тонковский, Нефедовский, Назаровский*»).

Выделяются нетипичные, н е о б ы ч н ы е и м е н а, которые могут получать негативную оценку: арх. «Папа дал какие-то *странные* имена моим сестрам: *Кириена, Крискентия, Макрина*»; арх. «У меня 17 девок было, последних назвали *Крестя* да *Пестя*. Все смеются, имен не хватило, девку пестерём <*пестерь* ‘заплетной берестяной короб’> прозвали».

Наделение ребенка «мудреным» именем может связываться с нарушением установленных норм во время крещения ребенка, ср. костр. «*Алина* хоть бы или *Кристина, Орестина* даже и в святцах нет». По народным представлениям, «плохое» имя поп может дать ребенку, родители которого его чем-то разозлили или не одарили достаточно щедро: арх. «Даровой поп крестил да *Окулина* имя дал, без пути-то я», арх. «Если поп недоволен, сердит, то такое имя может дать – *Хавронья, Филарет* там», свердл. «Раньше попы ездили по деревне, славлено собирали. Им хто овса, пшенисы, хто щё. Если хто мало вынесет, он обязательно имя плохой да с ребёнку. Всякие, всякие там имена. Вот *Фарафон*. Батюшка сказал, что это собащье имя – *Фарафон*». Отношение к этим именам во многом определяется их «чужим», непривычным для русского уха звучанием. Кроме того, такие имена в дворянской и купеческой среде считались именами простолудинов.

Плохими именами было принято называть незаконнорожденных детей: арх. «Незаконнорожденным детям давали плохие имена, например, *Макар, Пантелей*. Презирали таких почему-то», арх. «Незаконнорожденным давали премудрые имена: *Марфа, Федот* – заковыристые». «Заковыристые», редкие имена становились маркером незаконности ребенка. Ср. отмеченную в среде русского дворянства традицию давать незаконнорожденным детям искаженные фамилии отцов: *Пнин* – сын *Репнина, Востоков* – сын *Остенбека* и др.